

КРОКОДИЛ

№3 ЯНВАРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

К556

16

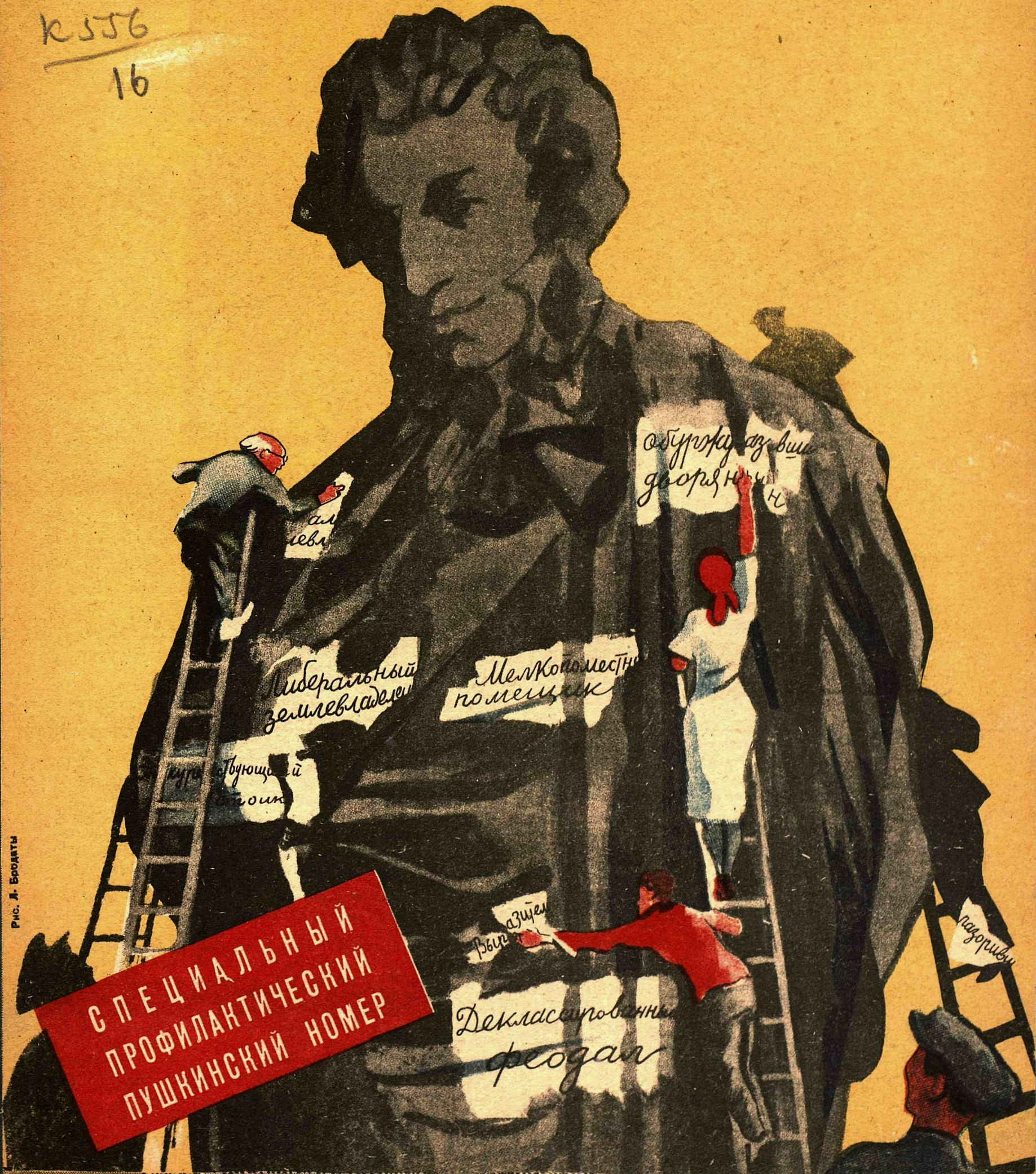
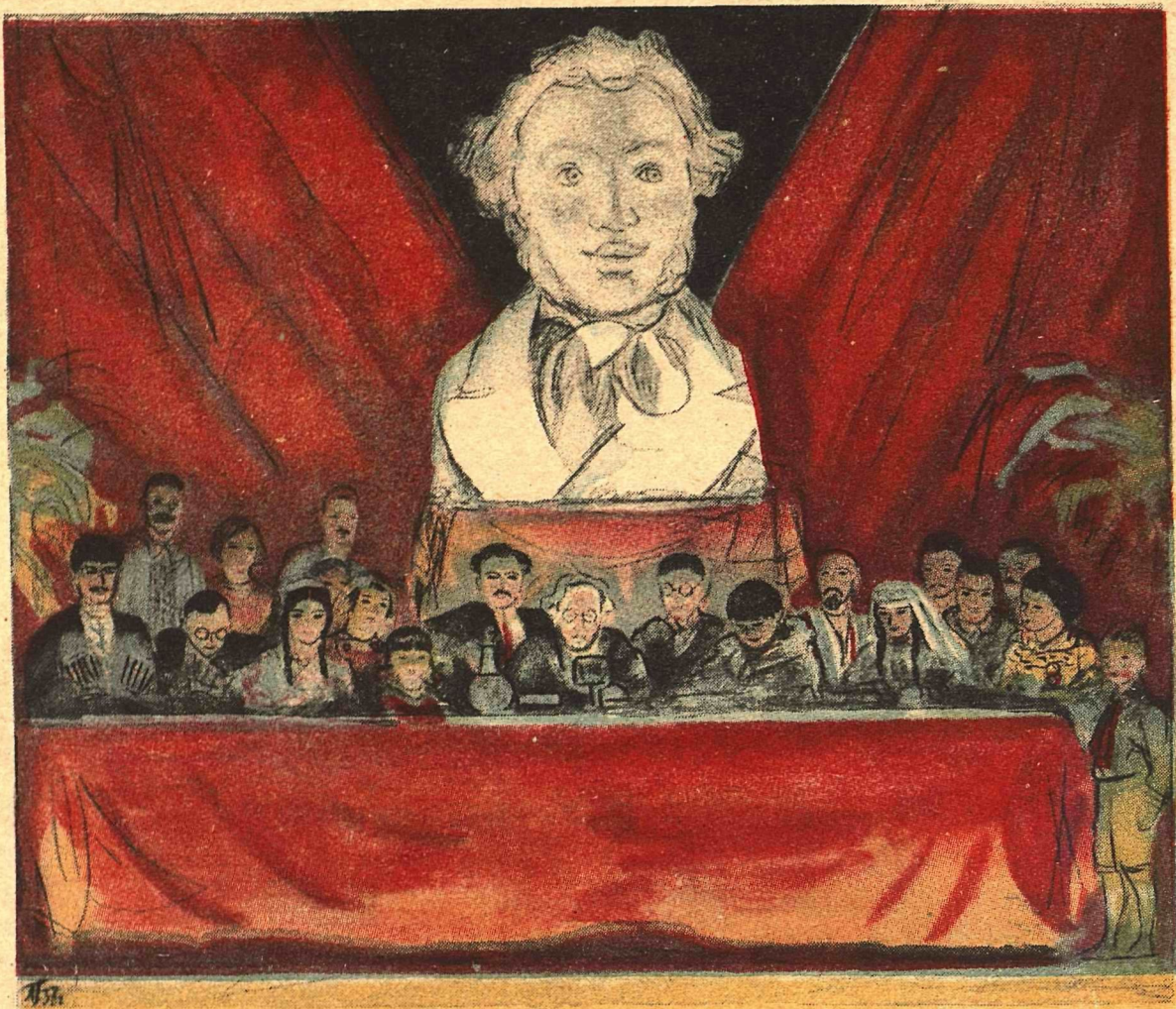

Рис. Л. Бродаты

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ
ПУШКИНСКИЙ НОМЕР**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Печальная весть о приближающемся столетии со дня гибели великого поэта захватила многих наших сотрудников врасплох.

— Неужели уже прошло сто лет? — сразу помрачнел поблуженный сединами художник Леонид Сойферстис. — А, кажется, это случилось еще так недавно. Грустно, очень грустно!

Он глубоко вздохнул, и по его задумчивому виду всем стало ясно, что его мысль сейчас витает уже далеко, далеко, в мрачной России времен Николая Павловича Романова.

Но, оправившись от первых грустных переживаний, мы начали тщательно обдумывать, что же нам надлежит сделать в связи со столетием гибели поэта.

И как-то сразу все крокодилы пришли к одному и тому же, очень ответственному решению: надо делать специальный номер.

Не успели мы еще принять это решение, как художник Леон Георгиевич Генч, со свойственным ему блеском и оперативностью, тут же нарисовал в красках помещенный выше рисунок: между алых знамен гордо высится художественно выполненный бюст поэта, а за столом, покрытым дорогой материей, сидят трудящиеся разных национальностей, занятий, возраста и пола. По замыслу художника, одобренному редакцией, этот рисунок должен обозначать президиум символического торжественного заседания грудящихся Советского союза, посвященного столетию со дня трагической гибели Александра Сергеевича Пушкина.

Услышав одобрительные замечания по поводу рисунка Л. Генча, комендант журнала, популярный рационализатор и изобретатель Иван Афанасьевич Фролов твердым и официальным голосом попросил слова:

— У меня наклеивается довольно оригинальная темка для хорошего и приятного рисунка. Значит, так: предположим, дело происходит в селе Михайловском. Мне рисуется комната. Пушкин стоя читает свои стихи своему другу, будущему декабристу Пушкину. Пушкин, предположим, пусть сидит в глубоких креслах. А где-нибудь в стороне сидит няня покойного Александра Сергеевича и, предположим, штопает чулок. Как вам, товарищи, нравится такая идея?

— Нравится, очень нравится, с детства нравится, — закричали все хором и к великому прискорбию И. А. Фролова объяснили ему, что такая картина в свое время неплохо была написана художником Николаем Николаевичем Ге.

— Все было, — с грустью констатировал И. А. Фролов и скорбно поник головой.

Было много споров. Уже почти решили развернуть на страницах нашего журнала волнующее полотно, трактующее жизнь, творчество и значение Пушкина. Но после тщательного размышления мы пришли к выводу, что ни в коем случае нам не следует дублировать работу, которую проделывают сейчас все газеты и журналы нашей страны, не говоря уже о многих тысячах пушкинских комитетов.

И зная, что к замечательной и поистине величественной работе, которую проделывают все культурные общественные организации нашей великой родины для увековечения памяти Пушкина, нет-нет да и попытаются приложить свою растлевающую руку бюрократы и головотяпы, мы решили выпустить специальный номер, так сказать, профилактического порядка. Так родилась идея настоящего номера, который по мере наших сил предназначен послужить предотвращению возможности халтуры, кампаней-

щины и недоброкачества в отдельных звеньях той небывалой в истории человечества, великолепной по размаху и глубине кампании, которой трудящиеся Страны советов чтут память своего величайшего поэта.

В настоящем номере мы подробно описали такое торжественное заседание, которого ни в каком случае не должно быть.

Все, что отмечено в этом номере, начиная от принципа комплектования президиума и порядка дня заседания и кончая речами, произнесенными на нем, равно как и принципы организации пушкинского музея, мы официально и во всеулышание объявляем прерогативной настоящего номера. Мы заявляем все права на все вышперечисленное и категорически протестуем против того, чтобы без нашего согласия и без ссылки на источник использования

кто-нибудь применил их как при организации всамделишного, доподлинного пушкинского торжественного заседания, так и при выступлении на его трибуне.

Никаких диаграмм, характеризующих кривую влияния Арины Родионовны на творчество Пушкина! Никаких докладов о роли лошадей в «Евгении Онегине»! Патент на все это заявлен Крокодилом.

На этом номере, как вы сами понимаете, мы не собираемся прекратить наше участие в пушкинских торжествах. Это каждый читатель сможет увидеть по нашим следующим номерам.

А пока, товарищи, разрешите профилактическое торжественное заседание, посвященное столетию со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина, считать открытым!

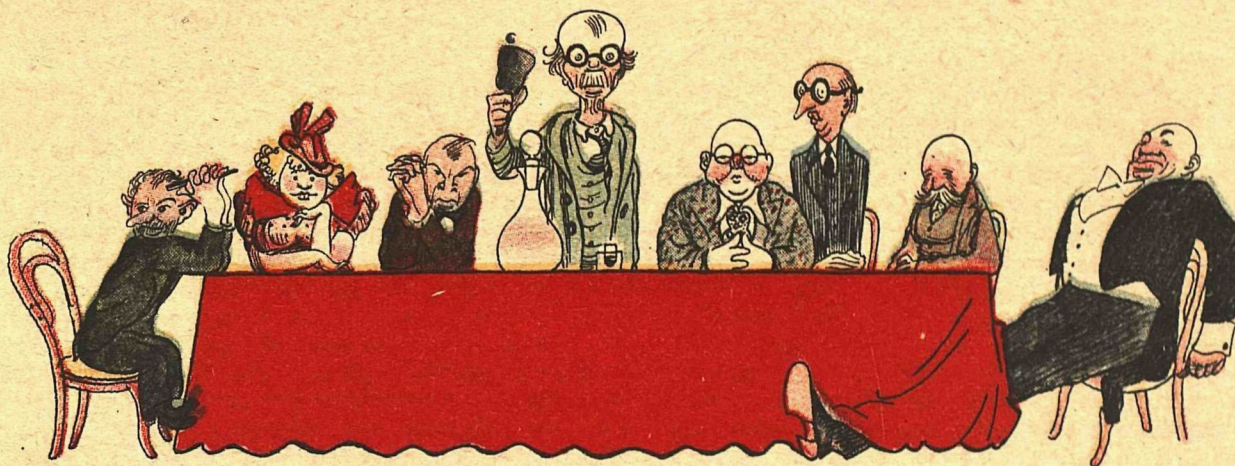

Рис. К. Ротова

В президиуме: заслуженный деятель Матвей Митрофанович Конопляников-Зуев, поэт Евгений Творцов, критик, фамилию которого из-за его косноязычия так и не смогли разобрать, профессор Черепяхин (от литературоведов), Саломея Симеоновна Скорбящая (от жен пушкинистов), Никодим Амосович Ступпке (от знакомых Конопляникова-Зуева) и гражданин, пожелавший остаться неизвестным.

ПОРЯДОК ДНЯ

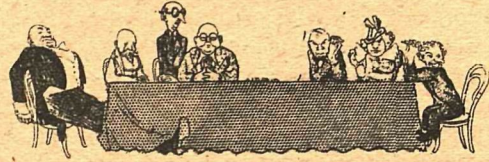
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ТОРЖЕСТВЕННОГО ПУШКИНСКОГО ЗАСЕДАНИЯ

от января 1937 года

I. Торжественная часть.

1. „Что мне хотелось бы сказать о покойном поэте“. Доклад засл. деят. Конопляникова-Зуева.
2. „Чему нас учит выстрел Дантеса“. Сообщение поэта Евгения Творцова.
3. „Лошади в „Евгении Онегине““. Публикация профессора Черепяхина.
4. „О чистоте русского литературного языка с отталкиванием от опыта работы над словом покойного великого мастера языковой культуры А. С. Пушкина, а также разные другие адэживатные соображения“. Выступит критик Шкилетов Н. К.
5. „Краткие соображения о том, имеются ли у Пушкина заслуги перед человечеством“. Сообщит председатель Степановского сельсовета, Приазовского района, Днепропетровской области, Я. Ф. Гальченко.

II. Художественная часть.

КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ (председатель заседания).
Уважаемые товарищи, первое слово, согласно порядка дня, я предоставляю самому себе.

Конечно я, дорогие товарищи, не историк литературы. Я позволю себе подойти к великой дате просто, как говорится, по-человечески.

Такой чистосердечный подход, я полагаю, еще более приблизит к нам образ великого поэта.

Итак, сто лет отделяют нас от него! Время действительно бежит неслыханно быстро!

Германская война, как известно, началась 23 года назад. То есть когда она началась, то до Пушкина было не сто лет, а всего 77.

А я родился, представьте себе, в 1879 году. Стало быть, был еще ближе к великому поэту. Не то что бы я мог его видеть, как говорится, нас отделяло всего около сорока лет.

Моя же бабушка, еще того чище, родилась в 1836 году. То есть Пушкин мог ее видеть и даже брать на руки. Он мог ее нянчить, и она могла — чего доброго — плакать на руках, не предполагая, кто ее взял на ручки.

Конечно, вряд ли Пушкин мог ее нянчить, тем более что она жила в Калуге, а Пушкин, кажется, там не бывал, но все-таки можно допустить эту волнующую возможность, тем более что он мог бы, кажется, заехать как-нибудь в Калугу повидать своих знакомых.

Мой отец опять-таки родился в 1850 году. Но Пушкина тогда уже, к сожалению, не было, а то он, может быть, даже и моего отца мог бы нянчить.

Но мою прабабушку он, наверняка, мог уже брать на ручки. Она, представьте себе, родилась в 1763 году, так что великий поэт мог запросто приходиться к ее родителям и требовать, чтобы они дали ему ее подержать и ее по-нянчить... Хотя, впрочем, в 1837 году ей было, пожалуй, лет этак 60 с хвостиком, так что, откровенно говоря, я даже и не знаю, как это у них там было и как они там устроивались... Может быть, даже и она его нянчила... Но то, что для нас покрыто мраком неизвестности, то для них, вероятно, не составляло никакого труда, и они прекрасно разбирались, кого нянчить и кого брать на руки. И если старухе действительно было к тому времени лет под шестьдесят, то, конечно, смешно даже и подумать, чтобы ее кто-нибудь там нянчил. Значит, это уж она сама кого-нибудь там нянчила.

И, может быть, качая и напевая ему лирические песенки, она, сама того не зная, пробудила в нем поэтические чувства и, может быть, вместе с нянькой Ариной вдохновила его на сочинения некоторых отдельных стихотворений.

Что же касается Гоголя и Тургенева, то их могли нянчить почти все мои родственники, поскольку еще меньше времени отделяло тех от других. Вообще я так скажу: дети — украшение нашей жизни, и счастливое детство это, как говорится, — очень и очень немаловажная проблема, разрешенная в наши дни. Детские ясли, очаги, комнаты матери и ребенка на вокзалах — все это суть достойные признаки одного и того же дела... Да, так про что же это я?

(Голос с места. Про Пушкина...)

— Ах да... Вот я и говорю — Пушкин... Столетняя дата. А там, глядишь, вскоре ударят и другие даты — Тургенев, Лермонтов, Толстой, Майков и так далее и так далее. И пойдет чесать.

Вообще, между нами говоря, в другой раз даже как-то удивляешься, почему к поэтам бывает такое отношение. К певцам, например, я не скажу, чтоб у нас плохо относились, но уж настолько с ними не носатся, как с этими. А тоже, как говорится, — таланты. И за душу хватают. И эмоциональность. И пятое — десятое.

Конечно, я не спору, Пушкин — великий гений, и каждая его строчка представляет для нас известный интерес. Некоторые, например, уважают Пушкина даже за его мелкие стихотворения. Но я бы лично этого не сказал. Мелкое стихотворение — оно и есть, как говорится, мелкое и не совсем крупное произведение. Не то чтобы его может каждый сочинить, но, как говорится, посмотришь на него, а там решительно нет ничего такого уж слишком что ли оригинального и художественного. Например представьте себе набор таких, я бы сказал, простых и маловысокохудожественных слов:

«Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив...
Шалун уж заморозил пальчик...»

(Голос с места. Это «Евгений Онегин»... Это — не мелкое стихотворение).

— Разве? А мы в детстве проходили это как отдельное стихотворение. Ну, тем лучше, очень рад. «Евгений Онегин» — это действительно гениальная эпопея... Но, конечно, и в каждой эпопее могут быть свои отдельные художественные недостатки. Вообще я так скажу: для детей это очень интересный поэт. И в свое время там у них он, может быть, даже был попросту детский поэт. А до нас, может быть, дошел уже несколько в другом виде. Тем более, наши дети, знаете, как выросли. Их уже не удовлетворяет детский стих:

«Паровозик чук-чук-чук,
Колесики тук-тук-тук.
Госиздату гип-ура
Пети-мети автора...»

Помню, знаете, у нас в классе задали выучить одно мелкое, ерундовое стихотворение Пушкина. Него про ветку, нето про птичку или, кажется, про ветку. Что буд-то бы растет себе ветка, а ей поэт художественно говорит: «Скажи мне ветка Палестины...»

(Голос с места. Это из Лермонтова...)

— Разве? А я их, знаете, обыкновенно путаю... Пушкин и Лермонтов — это для меня как бы одно целое. Я в этом не делаю различия...

(Шум в зале. Голоса. Вы лучше расскажите про творчество Пушкина.)

— Я, товарищи, к этому и подхожу. Творчество у Пушкина вызывает удивление. Ему за строчку стихов

платили по червонцу. Кроме того постоянно перенздавали. А он, несмотря на это, писал, и писал, и писал. Прямо удержу нету.

Конечно, придворная жизнь ему сильно мешала сочинять стихи. То балы, то еще что-нибудь. Как сказал сам поэт:

«Откуда шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан...»

Конечно, не будем останавливаться на биографических данных поэта: это всем известно. Но тоже, как говорится, с одной стороны — личная жизнь, квартира в семь комнат, экипаж, с другой стороны — сам царь — Николай Палкин, придворная жизнь, лицей, Дантес и так далее. И, между нами говоря, Тамара ему, конечно, изменила...

(Шум в зале. Крики. Наталья, а не Тамара.)

— Разве? Ах да, Наталья. Вот я и говорю. А Николай Палкин, конечно, сам стихов не писал. И поневоле, конечно, мучился и завидовал поэту...

(Шум в зале. Отдельные возгласы, переходящие в крики. Некоторые встают. Довольно! Уберите оратора!)

— Так вот я кончаю, товарищи... Влияние Пушкина на нас огромно. Это был гениальный и великий поэт. И приходится пожалеть, что он не живет сейчас вместе с нами. Мы бы его на руках носили и устроили бы поэту сказочную жизнь, если бы, конечно, знали, что из него получится именно Пушкин. А то бывает, что современники надеются на своих и устраивают им приличную жизнь, дают автомобили и квартиры, а потом оказывается, что это не то. А уж, как говорится, взятки гладки...

Итак, заканчивая свой доклад о гениальном поэте, я хочу отметить, что после торжественной части будет художественный концерт. (Одобрительные аплодисменты).

(Стенограмма правлена заслуженным деятелем Матвеем Митрофановичем КОНОПЛЯНИКОВЫМ-ЗУЕВЫМ собственноручно.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В чем дело товарищ?

ГРАЖДАНИН (с места). Мы сюда пришли послушать насчет Пушкина, а нам совсем неинтересно слушать, кто кого и когда мог няньчить и держать на своих руках. Я считаю, что гражданин Конопляников-Зуев сделал доклад не по существу и что он...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (мягко прерывает гражданина; с укоризной). Ай, ай, ай, гражданин, какой же вы непоследовательный! Сами говорите, что надо говорить про Пушкина, а сами занимаете драгоценное время сбравшихся разговорами о Конопляникове-Зуеве. Стыдно, голубчик!

ГРАЖДАНИН (тяжело вздохнув, горестно машет рукой и садится). Ну и ну!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (бодро). Слово предоставляется поэту Евгению Творцову.

(Голоса в зале. Неужели свои стихи будет читать?.. Не будет — посовестится!..)

Товарищи! Сто лет тому назад был убит Пушкин... Но вот я закрываю глаза и как сейчас вижу одинокую лесную полянку... Стылая степь простирается кругом без конца и края... Страшный мороз... Малиновые лучи заката бросают свои желтые отсветы на кавалергардский шлем убийцы... Их багровое сияние зловеще... Торжественно и глухо звучит оркестр.

(Голос в зале. Оркестр откуда?)

Винovat, я хотел сказать: торжественно и глухо шумит пышная зеленая листва столетних дубов, как бы говоря:

(Голос в зале. Зимой листвы не бывает!)

...как бы говоря: остановитесь! Что вы делаете?! Поздно! Раздался выстрел — и поэт падает мертвым!.. Чему нас учит этот трагический случай, товарищи?! Этот трагический случай объективно нас заставляет насторожиться. И очень насторожиться, товарищи! Разве нет у нас современных Дантесов, товарищи?!

(Голос в зале. Пушкина современного нет!)

Если покопаться, найдется и Пушкин, товарищи! Но современный Дантес не носит шлема кавалергарда. Он выступает либо в маске критика либо в грубошерстном пиджаке издательского работника.

(Голоса в зале. Ближе к теме!.. Нельзя ли конкретней!)

Сейчас скажу абсолютно конкретно. Не столь давно некий критик Мацневич подверг злостной проработке всеми нами любимый сборник стихов «Зрелое поле». Он написал о нем статейку, пошло озаглавленную «Незрелые рифмы».

(Голос в зале. Кто написал «Зрелое поле»?)

Очень странно, что вы не знаете, кто написал. Не Пушкин, конечно!

(Тот же голос. А все-таки, кто же написал «Зрелое поле»?)

Ну, я написал. Я считаю, товарищи, что гнусная статья критика Мацневича объективно равноценна известному пасквилю, полученному Пушкиным незадолго до

дуэли. Критик в кавычках Мадиевич настолько труслив, что роль непосредственно Дантеса оказалась ему не по силам. Эту роль объективно выполнили руководители издательства «Советский почитатель».

(Голос в зале. Конкретно, что сделали руководители?)

Да уж сделали. Как говорится, останетесь довольны! (Тот же голос. А все-таки, что же они сделали?)

Если вы так настаиваете, извольте: скажу. Они отказались издать «Зрелое поле». Я считаю, товарищи, что их отказ равноценен выстрелу Дантеса.

(Ехидный голос в зале. А может быть, отказались не издать, а переиздать?)

Какая разница: издать, переиздать? Важен самый факт непоявления на свет книжки.

(Тот же голос. А все-таки, в который раз хотели переиздать «Зрелое поле»?)

Всего лишь в седьмой, товарищи.

(Голос в зале. Позор!)

Вот именно позор, товарищи! Запирать на замок народную тропу к такой книге, как «Зрелое поле», на это способны только современные Дантесы. А главное, что противно? Противно, что они просто испугались Мадиевича. Они думают, будто за ним кто-то стоит. А за ним кто-то не стоит, я узнавал.

(Голос в зале. О Пушкине когда будете говорить?)

Сейчас скажу и о Пушкине. Я написал, товарищи, восьмистранишние «Клеветникам», в котором объективно перекликаюсь с Пушкиным. Сейчас я его оглашу:

О чем шумите вы, издательства витии?

Что напугало вас? Не критика ли вой?

(Голоса в зале. Довольно!.. Пошел вон! Это по личному вопросу. Пусть читает в конце заседания!)

Я кончаю, товарищи. Я вижу, что в зал пробралась агентура Мадиевича. Еще раз призываю вас насторожиться!..

Стенограмму правил ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ. Президиум совещания сам знает, когда и кого призывать насторожиться. Опять-таки и вы, граждане, ведите себя потише. А то у нас давеча на Васильевском острове на этой почве вот какая интересная история случилась. Значит, иду по улице, вижу: около пустыря народ колбасится...

— Что такое?

(Соседи по президиуму дергают разговарившегося Коноплянникова-Зуева за рукав.)

КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ (опомнившись, степенно поправляет галстук и бодро объявляет). Слово для доклада под названием «Опыт подхода к детальному изучению социологического анализа методов учета конского поголовья романа «Евгений Онегин» имеет профессор Черепашкин.

Высококочимое собрание!

Сообщение, которое я собираюсь сделать с этой высокой трибуны, является плодом двадцатилетнего кропотливого исследования. Я взволнован, товарищи! А ведь я, как известно, не новичок в трудном деле изучения грандиозного наследия великого поэта, а именно его замечательного романа «Евгений Онегин».

Как, может быть, помнят некоторые (голос. Ох, помним!), именно мною была в свое время разработана карта города Москвы, на которой голубым пунктиром был отмечен весь путь Татьяны от заставы и до самого дома ее тетки по материнской линии — дома у Харитонья в переулке, как гениально выразился поэт. И вот, на ваш высокий суд, граждане, выношу я теперь плоды своей почти десятилетней работы, которую я позволил себе назвать «Опыт подхода к детальному изучению социологического анализа методов учета конского поголовья романа «Евгений Онегин». (Шум в зале.)

Лошадь! Кто не знает, какую гигантскую роль играет она в общественной жизни тридцатых годов XIX века! По состоянию лошадиного хозяйства мы можем с точностью восстановить все ужасы мрачной системы крепостного права. Я позволю себе для иллюстрации забежать вперед: достаточно будет указать на тот обличающий феодализм факт, что Онегину подают донского жеребца, в то время как обнищавшее крестьянство ведет на двор Ларинных осмнадцать кляч, чтоб экономическая

картина стала совершенно ясной. А если добавить к этому, что жеребца подавали Онегину тайно, — у нашего грандиозного поэта так и сказано: «...но так как с заднего крыльца», — то станет совершенно неоспоримым тот факт, что помещик Онегин боялся взрыва народного гнева.

Мне могут возразить: это простая случайность. В упомянутом случае жеребца подали с заднего, другой раз подавали с переднего крыльца. Но грандиозный знаток человеческих душ Александр Сергеевич Пушкин (бурные аплодисменты Евг. Творцова) как бы предвидел эти несостоятельные попытки. Он с необыкновенной прозорливостью уточняет вопрос и прямо говорит: «Так как с заднего крыльца обыкновенно подавали ему донского жеребца». Что вы ответите на это, граждане оппоненты? Не означает ли это, что пользование плодами эксплуатации укредкой вошло в обыкновение помещиков пушкинской эпохи? Да. Только это и могут означать вышеприведенные строки.

Разберемся же в конском наследстве Евгения Онегина систематически. Во второй же строчке второй строфы романа мы сразу встречаемся с целым коллективом лошадей. Строчка эта гласит: «...несясь в пыли на почтовых». Самое место, которое занимают лошади, — второе место за наименованием дядюшки героя и непосредственно первое до наименования самого Онегина, — само по себе говорит о важности, которое придавал Пушкин лоша-

дам, этим серым, с первого взгляда незаметным, безымянным героям романа. Идем дальше «...на биржу тянется извозчик...» — тут я должен категорически опровергнуть вредную теорию профессора Кузьмаго, что извозчик мог тянуться пешком. (Голос. Правильно!) Я счастлив, что аудитория на моей стороне. Иду дальше. Еще храпят и бьются кони, говорит грандиозный поэт, описывая посещение Онегиным театра. Заметьте, граждане: бьются, но в условиях царизма, конечно, ничего добиться не могут. Не есть ли это прообраз вольной мысли, которая, «на скаку упряжью своей», то есть царской цензурой, не могла добиться даже постановки на сцене театров ни «Бориса Годунова», ни грибоедовского «Горе от ума»? Не даром же кони бьются перед театром. (Голоса. Bravo! Здорово!) Не даром народ в лице закрепощенных кучеров в ответ на эту демонстрацию в следующих же строчках «бранят господ и бьют в ладони», то есть явно аплодирует бурному лошадиному протесту.

Что делает оскорбленный Ленский? Каково его первое движение души? Пушкин ясно отвечает на этот вопрос в пятой главе: «...выходит, требует коня». Именно конь своей чуткой душой может понять его горе! Да не сочтут это за преувеличение! Чуткость лошадей романа настойчиво подчеркивается поэтом. Достаточно вспомнить строку: «Его лошадка, снег почуя». Лошадка в данном отрывке не только чует снег, но и безысходное положение крестьянства. И в ответ на необоснованное торжество своего возницы (вспомните: «Крестьянин, торжество уя») она всем своим поведением подчеркивает преждевременность этого торжества и «...плетется рысью, как-нибудь»: спешить, мол, некуда. Кони в «Евгении Онегине» — единственные действующие лица, не изменяющие своего поведения ни при каких обстоятельствах. «Храпят и бьются», — сказано о них в первой главе, в уже цитированных строчках. Загляните в шестую главу — и вы прочтете: «...почуя мертвого, храпят и бьются кони». Какой разительный контраст с колеблющимся, мятущимся представителем умирающего класса Онегиным, который в четвертой главе равнодушен к Татьяне, а в последней — пылко изъясняется ей в любви! Сравните эту беспринципность с единой линией пушкинских лошадей — и вы увидите всю гениальную структуру формы романа.

Мне приходится закончить (С. С. Скорбящая (томно). Продлить время.) и отослать желающих к самому труду, кратко резюмируя его основное положение: ло-

шадь в романе «Евгений Онегин» служат не только фоном общей картины: они активные носители положительных начал русского общества 30-х годов XIX века: они то молча, то рысью, то храпом, то биением копыт осудили загнивающую монархию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для краткой справки предоставляется товарищу Кузьмаго.

КУЗЬМАГО. Товарищи! В высокоценном сообщении, только что нами услышанном, есть несколько моментов; нуждающихся в уточнении. Я не буду спорить по личному поводу: вопрос о том, тянулся ли извозчик на биржу при помощи собственных ног или посредством лошади, — слишком принципиальный вопрос, чтоб разбор его мог иметь место на столь торжественном заседании. Замечу лишь вскользь, что мы не имеем никаких указаний титана русской поэзии на то, что извозчик тянулся именно на извозничью биржу. Напротив, есть все основания предполагать, что извозчик был из кулаков и биржа имеется в виду фондовая, ибо только такая ситуация объясняет точный термин нашего титанического юбиляра: «...на биржу тянется извозчик». Именно тяга к увеличению капитала путем нечистых банковских махинаций и характерна для истории идущей на смену феодально-помещичьему строю буржуазии и превращению ее в монополистический капитал. (Голос. Правильно!) Но речь, повторяю, не об этом. Речь идет о некоторой небрежности, я бы сказал, поверхностности, с которой наш высокоуважаемый коллега подошел к вопросу: сказав несколько слов о качестве лошадей романа, он ни словом не обмолвился об их количестве, а последнее, как известно, переходит в качество. Но наиболее серьезным пробелом является, конечно, тот факт, что коллега ни словом не обмолвился о ярчайшем доказательстве всех ужасов крепостничества, о том, что даже значительная часть крестьянства, так называемые дворовые, охотно поменяла бы свою судьбу на лошадиную. Между тем у нашего титана ясно сказано: «Вот бегают дворовый мальчик... себя в коня преобразив». Людям в помещичьей усадьбе живется хуже чем лошадям. Это чувствуют даже дети, даже мальчики. Этого не чувствует лишь наш уважаемый коллега — и я спешу ему напомнить об этом. Ему бы пора тоже почувствовать. Он-то уж не мальчик. Я кончил.

Стенографировал НИКОЛАЙ АДУЕВ

КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ. Слово для содоклада по вопросу о чистоте русского литературного языка имеет товарищ Николай Кондратьевич Шкилетов — кригик.

ШКИЛЕТОВ. Дорогие товарищи! Я попытаюсь точно и по возможности кратко, в двух словах, объяснить вам всю прелесть пушкинского языка. Для этого необходимо проследить, как великий поэт, модифицируя свои словесные фонды, аккумулированные в систематическом и повседневном отталивании от языка демократических слоев нецензурного русского общества александровской и ни-

колаевской эпох, преломляя специфический народный говор через призму, — да, товарищи, через призму своей гениальной творческой концепции, — добился той адекватности, я бы себе позволил даже сказать, скрупулезной, точности языка, к которой все мы, товарищи, должны всячески стремиться. Одним словом, короче говоря, творческая и социальная дифференциация отдельных... (преры-

вает, возмущенно обращается к председателю). Товарищ председатель, я категорически возражаю против хождения и шума в зале. Это меня дезориентирует.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (отрываясь от беседы с членами президиума, громко и строго). Товарищи, уважайте труд содокладчика.

ГРАЖДАНКА С МЕСТА. Пусть содокладчик говорит по-русски. (Одобрительный шум в зале).

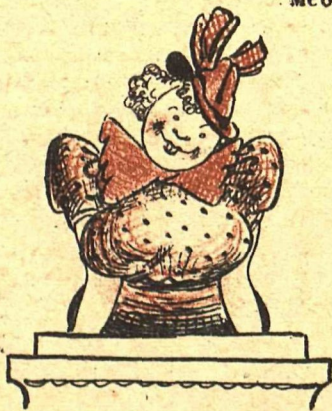
ШКИЛЕТОВ (надменно улыбаясь). Я, очевидно, не рассчитал уровня аудитории. Пожалуйста. Буду говорить популярнее. Коротко говоря, мы развитие пушкинского литературного языка делим на три периода: а) первый период, б) второй период, или послепервый период, и в) третий период. Стоит ли, короче говоря, товарищи, специально останавливаться на том, что первый период закончился значительно раньше, чем начался третий, который в свою очередь кончился перед самой смертью великого поэта. Второй период находился как раз между первым и третьим. Вот первый, вот третий, а как раз между ними—второй. И вот, короче говоря, литературный язык Пушкина от периода к периоду становился все лучше и богаче. (Обращаясь к аудитории, иронически). Надеюсь, сейчас-то вам понятно?

ТА ЖЕ ГРАЖДАНКА С МЕСТА. Понятно, сердешный, да уж больно скучно.

ШКИЛЕТОВ (делая вид, что не слышал реплики, продолжает). После этого краткого исторического анализа разных этапов развития пушкинского литературного языка я хотел бы совсем кратко отметить, что одним из важнейших достоинств пушкинской речи, к которой все из присутствующих должно, короче говоря, стремиться, является ее сжатость, лаконичность. Взять хотя бы стихотворение «Шотландская песня»:

«Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон где б нам пообедать,
Как бы нам о том проведать?
Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед,
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.
Кем убит и отчего,—
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово для приветствия от жен пушкинистов имеет очаровательная Саломея Симеоновна Скорбящая.

СКОРБЯЩАЯ. Товарищи, позвольте передать вам пламенный привет от совсем юного, юного движения жен пушкинистов. (Недоумение в зале.) Мы, жены пушкинистов, организовались только несколько дней назад, но уже имеем несколько успехов. Мы с Зоей Ивановной Кустяровой—женой Никодима Никодимыча—руководим кружком западных танцев, охватывающим жен младших вспомогательных сотрудников наших мужей. Мы уже охватили этих жен на 40%. Мы знаем, что этого мало, и не гордимся успехами, хотя они и налицо. Кроме того мы все включились в помощь своим мужьям. Мы посещаем кружки полнотрамоты и, возвращаясь домой, пересказываем своим

Сокол в рошу улетел.
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого—
Не убитого—живого».

Что мы таким образом имеем? Мы имеем, короче говоря, шестнадцать строчек, около пятидесяти словосочетаний очень читабельного материала. Как будто, что удивительного—переключка двух хищных птиц? А ведь из-за нее, товарищи, встает перед читателем целый ряд картин, сложная феодальная трагедия. Жена богатыря изменяет ему вместе с любовником. Вместе с ним она, короче говоря, убивает его. Ничего не подозревающий убитый выезжает на соколиную охоту, вероятно, без оружия, а убийца его, короче говоря, убивает и едет на его лошади к его общине. Труп убитого остался в поле, и хищные птицы слетаются на его труп. Мы можем только восторгаться, поскольку такая сложная человеческая семейная трагедия уложена Пушкиным всего в шестнадцать строк.

Или, чтобы не задерживать вашего внимания, взять хотя бы известное всем описание Москвы из «Евгения Онегина»:

«Возок несется чрез ухабы,
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари...»

и т. д.

Тут Пушкин тридцать слов использовал, а описал целый большой город. Попробуйте дать в тридцати—сорока словах такое же полное изображение города, хотя бы и меньше Москвы, ну, хотя бы Омска или Конотона. Слабо это вам, товарищи!

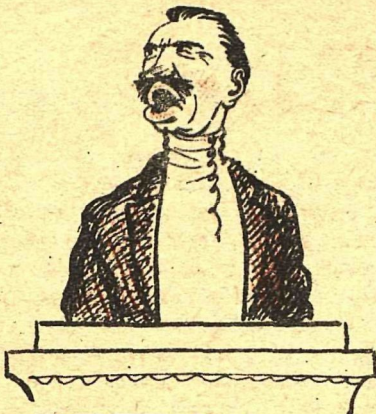
ОБИДЧИВЫЙ ГОЛОС С МЕСТА. Да, видать, и тебе слабо, товарищ содокладчик.

ШКИЛЕТОВ. Я закругляюсь, товарищи. Пушкинские свойства речи—это, кратко выражаясь, сжатость и точность. Фразы, очищенные от ненужных иностранных слов, особенно нужны в наше время. Говорить сжато и строго точно, сами понимаете,—большое мастерство. Не всем оно дается в полной мере, но приближаться к нему может всякий, особенно если у него есть такой пример и образец, как Пушкин. Теперь, после моего содоклада, вам, надеюсь, понятно, в чем прелесть пушкинского языка. Ну вот я, короче говоря, и кончил. (Один аплодисмент. Всеобщий вздох облегчения проносится по зрительному залу.)

мужьям в доступной для них форме наиболее важное, что мы слышим на кружках про марксизм. Мы, жены пушкинистов, очень любим и чтим память покойного великого Пушкина и не представляем себе, как бы мы жили без него. Я кончила. (Возвращается в президиум, где Копопляников-Зуев галантно целует ей руку.)

Выступления критика Шкилетова и Саломеи Скорбящей приводятся по живой записи Л. Лагина. При уточнении записи выступления Шкилетова использована его статья «Пушкин—создатель языка», помещенная им 3 января под инициалами «Н. Т.» в газете Омского обкома ВЛКСМ «Молодой большевик».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет председатель Степановского сельсовета, Приазовского района, Днепропетровской области, тов. Гальченко. Товарищи, прошу тишины. Это — не выдуманное выступление. Это действительный факт из жизни.

ГАЛЬЧЕНКО. Меня, граждане, удивляет, как вы посвящаете столько много времени давно умершему беспартийному дворянину Пушкину. Я думаю так, граждане, что зря про Пушкина все это завели. Поскольку, граждане, доподлинно мне известно, что Пушкин революционером не был. Есть у него, граждане, классовая борьба? Официально заявляю: нет у него классовой борьбы. Опять-таки, что

касается его заслуг перед человечеством, то у него, граждане, определенно нет заслуг перед человечеством. А поэтому я, граждане, ударил по рукам тем политически нечутким гражданам, которые, граждане, попытались в колхозах моего сельсовета провести под шумок разные, там, пушкинские вечера. Я кончил, граждане.

Голоса с места. Дурак!

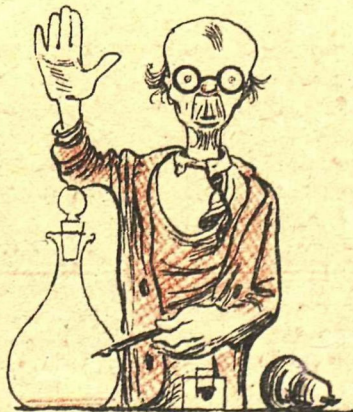
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Тут гражданин Полубатарейкин просит приобщить к стенограмме заседания один документ. Возражений нет? (*Обращаясь к стенографистке.*) Прошу приобщить к стенограмме прилагаемый при сем протокол.

ПРОТОКОЛ

ЗАСЕДАНИЯ ПОДСЕКЦИИ СОАВТОРОВ ПРИ АВТОНОМНОЙ СЕКЦИИ ДРАМАТУРГОВ СБЕРКАССЫ № 088 УПРАВЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ	СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>1. Заявление члена секции тов. Полубатарейкина об участии ряда авторов в поступлениях гонорара на счет гр. И. П. Белкина.</p>	<p>1. В связи с тем, что издатель повестей покойного Ивана Петровича Белкина, изданных гр. А. П. (повидимому, псевдоним поэта, нечлена секции драматургов, Александра Пушкина), имеется прямое указание на то, что:</p> <p>а) повесть «Смотритель» слышано от титулярного советника А. Г. Н.</p> <p>б) повесть «Выстрел» слышано от подполковника И. Л. П.</p> <p>в) «Гробовщик» слышано от приказчика Б. В.</p> <p>г) «Митель», «Барышня» слышано от девицы К. И. Т.</p> <p>Предложить поименованным гражданам (или их наследникам) представить юриконсульту секции соавторов свои претензии на участие в поступлениях гонорара покойного Ивана Петровича Белкина.</p>	<p>2. Заявление члена секции Подсудобиной-Горич о пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» и поэме того же автора «Мертвые души».</p>	<p>2. Возбудить вопрос о том, что гонорар за повести Белкина в течение многих лет отчислялся издателю А. П. (Александру Пушкину, нечлену секции драматургов).</p> <p>В связи с тем, что имеются неопровержимые доказательства и свидетельские показания, указывающие, что сюжеты комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души» дал Н. В. Гоголю А. С. Пушкин, предложить юриконсульту возбудить иск к Н. В. Гоголю и установить точно размер начислений, каковые со счета Н. В. Гоголя начислить на счет А. С. Пушкина. Вместе с тем бюро секции соавторов высказывает свое искреннее удивление поступком А. С. Пушкина, не требовавшего с Н. В. Гоголя положенных ему соавторских.</p> <p>Сообщил Л. НИКУЛИН</p>

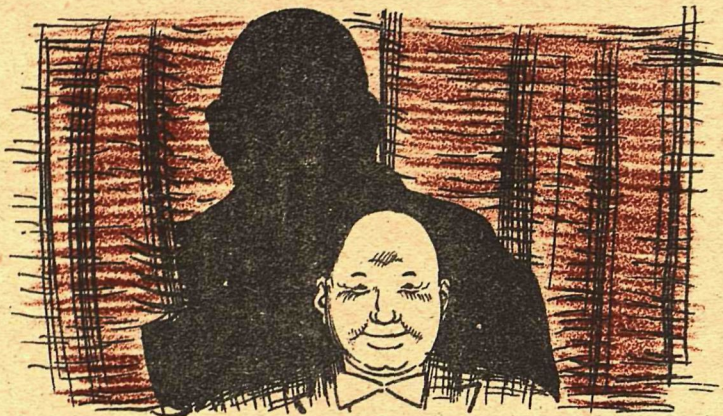
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ (торжественно). На этом, товарищи, разрешите торжественную часть нашего заседания объявить закрытой. Через пятнадцать—двадцать минут мы начнем нашу художественную часть. В антракте вы може-

те посетить на четырнадцатой и пятнадцатой страницах специально организованную пушкинскую выставку. На втором этаже—буфет с горячими и холодными закусками высшего качества. Цены общедоступные. (*Голос председателя тонет в грохоте хлопающих стульев.*)

АНТРАКТ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

КОНФЕРАНСЬЕ. А вот и я! Здрасьте, граждане, адрасьте. Первым номером нашей программы — знаменитый виртуоз-трансформатор, автор-юморист Ромаульд Кузьмич Монтигомо Саади-бей, звезда эстрады, первый отреагировавший на юбилей Пушкина и мастерски увязавший со злобой дня незабываемые образы пушкинских персонажей. *(Одинокло хлопает.)*

Под звуки фокстрота «В бананово-лимонном Конотопе» на сцену выходит Монтигомо Саади-бей в потрепанной фракционной паре. Он раскланивается с публикой, скрывается за кулисами и мгновенно появляется в виде Бориса Годунова.

В дальнейшем он после каждого персонажа повторяет ту же операцию и появляется в костюме следующего персонажа.

БОРИС ГОДУНОВ

Я мнил, что нету тяжелей на свете
Убора для главы, чем монахов.
А ныне зрю поболее я шелом...
Ох, тяжела ты шапка Мосмехпрома!

РУСЛАН

«И струны громкие баяна
Не станут говорить о нем...»
А почему? Ответ Руслана:
«Баяны-то теперь почему?!»
Справка: средняя цена
баяна — 1800 рублей.

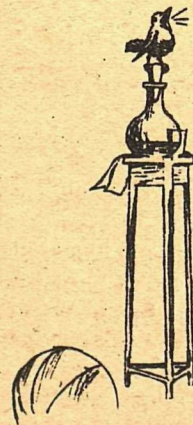
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Мой дядя самых честных правил
Позвал врача (он занемог).
Врач долго ждать себя заставил,
А дядя ждать его не мог.
Врач был занятым бюрократом
Иль бюрократа кровным братом.
Ждал дядя день и ждал он ночь,
Поправился и вышел прочь.
И, наконец (что за коварство!),
Через неделю врач пришел
И хоть болезни не нашел,
Но все же прописал лекарство.
А дядя думал про себя:
«Когда же чорт возьмет тебя!»

КОНЬ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

«И примешь ты смерть от коня
своего», —
Предсказано было Олегу.

ПТИЧКА БОЖЬЯ

Знаю вашу я привычку:
Деловой принявши вид,
Все валить на бедну птичку,

Дескать, птичка — паразит:
«Птичка божия не знает
Ни работы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда...»
Без намеков и кавычек
Я окончу свой рассказ:
— Эх, друзья... подобных птичек
Не найдется ли среди вас?

ТАТЬЯНА

Я к вам пишу, чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Что может чья-то злая воля
Письмо на почте задержать...
Или посланье по ошибке
Очутится не в той руке.

И вдруг Заредкий или Трике
Прочтут его не без улыбки.
И вот мой друг, для вас наука,
Даю почтовый вам урок:
Что б письма точно шли и в срок,
Пошлите няниного внука,
По почте ж... боже сохрани!
А что за почта в ваши дни?

ЛЕНСКИЙ

Придешь ли, дева красоты,
Мне хлопать? Завизжишь ли ты
Мне «браво» в нужные моменты,
Пока не заворчит сосед?..

Ты знаешь, что я много лет
Ценю твои аплодисменты!
Приди сама, желанный друг,
И приведи с собой подруг!..

КНЯЗЬ
(из „Русалки“)

«...Что вижу?
Откуда ты, прелестное дитя?»

Выступления пушкинских персонажей записали В. Ардов и М. Коссовский.
Рисунки Л. Соифертиса.

КОНФЕРАНСЬЕ. Литмонтаж — что означает литературный монтаж — делается так: составитель монтажа берет куски из разных литературных произведений и читает их вместе. Зачем это делается?.. Я и сам не знаю, но с удовольствием вам объясню. Литмонтажи создаются для того, чтобы составитель мог показать свою образованность, дескать, из скольких книг понадергал. Итак, сейчас Серафим Приходько исполнит литмонтаж:

«По дороге зимней скучной
Тройка борзая бежит.
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит».

(Поет)

Дин-дон, дин-дон,— слышен звон кандалный.

Дин-дон, дин-дон,— слышен звон кандалный.

Дин-дон, дин-дон,— слышно там и ту-ут...

— Но!.. Эх вы, залетные! Тпру!.. Куда ты, чорт! Балуй!

«Эй, пошел ямщик!

Нет мочи. Коням, барин, тяжело».

Да, тяжело было российским коням скакать в императорских оглоблях. Вот на 141-й странице «Исторических экскурсов» за 1931 год находим: «Помещичьи землевладения, основанные на рабском труде крестьян, медленно, но верно разорялись. Наряду с этим развивался торговый капитал. Уже в 1833 году Россия вывезла за границу 1 200 000 пудов

пеньки и 1 200 000 пудов льна. Вот почему так унылы песни российских ямщиков! Они отражают двойной гнет эксплуатации».

«Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика.
То разгулье удалое,
То сердечная тоска».

(Поет)

«Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...
Во поле березонька стояла...
Во саду ли, в огороде выросла перушка...»

«Скучно, грустно... Завтра,
Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у каминя.
Заглянусь ненаглядясь».

(Поет)

«Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской...
Как печально камин догорает.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит

И, докучных удаляя...»

Кто там докучает?—А это от прачки счет принесли, Александр Сергеевич.—Читай счет, Мишка.

«Его высокоблагородию коллежскому ассесору, его императорского величества камер-юнкеру господину Пушкину, Александру Сергеевичу. От Санкт-Петербургской прачки Авдотьи счет.

Рубашек—2,

Кальсон—2,

Носок—3.

Всего на сумму тридцать шесть копеек серебром.

К сему: Авдотья».

«Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик».

Дин-дон, дин-дон,— слышен звон кандалный!.. Снега, снега! Полосатые версты Николая Палкина. Эх, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич!

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи и граждане! Наш всеми любимый драматург Стефан Кириллович Кисель написал к пушкинским дням пьесу из жизни поэта. В пьесе Пушкин играет главную роль, и ему посвящено самое название пьесы «Сергеич». Пьеса написана стихами, главным образом пушкинскими. Но в тех местах, где автор не мог найти подходящих строк у великого поэта, Стефан Кириллович вставил стихи собственного производства.

По нашей просьбе Стефан Кириллович прочтет вам сейчас отрывок из пьесы, рисующей встречу Пушкина с его другом, будущим декабристом Пушиным, а потом с приятельницей поэта А. П. Керн. Я надеюсь, что слушатели сами разберут, где чьи стихи.

(Драматург С. К. Кисель выходит из-за кулис, привычно раскланивается и, раскрывая толстую клеенчатую тетрадь, начинает, откашливаясь.)

Комната в Михайловском, обставленная, как из комиссионного магазина. Пушкин и Пушин сидят и разговаривают.

Пушкин.

Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья!
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

Пушин.

Определенно! Это будет,
И нас Россия не забудет,
Поскольку ты и я нужен;
Где продаются все крестьянки,
И князь имеет сотню жён,
Меняя чаще, чем портянки.
Но если царь нас победит,
Шикарный займеем вид!

Пушкин.

Конечно, это — да.
Но я скажу всем вам тогда:
Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Пушин.

Я вижу: мы с тобой на пару
Царизму зададим уж пару!
Пока, брат Пушкин! (Уходит.)

Пушкин.

Ну, пока!
(Ходит по комнате, психуя от тоски.)
Уж эта ссылка мне горька.
И всякая гадость идет на ум...
Но чу! Я слышу что-то шум...
(Входит Анна Петровна Керн.)

Керн.

Мой друг, ей богу не годится
Так колбаситься!
Меня вы помните как раз?

Пушкин.

Еще бы! Как сейчас
Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как тень чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный...
И снились милые черты.

Керн.

(Лобзает его рукой). Ах, что ты, что ты, не грусти!

Пушкин (грустно). Вам время цвести, а мне — тлести.

ЗАНАВЕС

КОНФЕРАНСЬЕ. По договоренности с ГУК'ом мы должны были сегодня продемонстрировать вам новую кинокартину «Евгений Годунов». По независящим от нас обстоятельствам мы вам картину показать не можем. Но вместо этого мы приготовили для вас сюрприз: сейчас перед вами выступит постановщик «Евгения Годунова» кинорежиссер и популярный соавтор сценариев Шлагбаум. (Хлопает Шлагбауму, провоцируя всеобщие аплодисменты. Однако никто не хлопает.)

РЕЖИССЕР ШЛАГБАУМ. Товарищи, поскольку юбилейный пушкинский фильм, который я ставлю к пушкинским дням, опаздывает, я могу откликнуться на юбилей только этой речью. И главное, — у нас было запланировано опоздание против плана всего на полтора года, а получается опоздание в 2½ года. Почему? А вот почему. Сценарий наш был составлен из следующих произведений Пушкина: «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Анчар» и «Сказка о царе Салтане». Из других вещей поэта нами заимствованы только 2 персонажа: черная шаль и Медный всадник, — правда, спешенный. Роль этого Медного играю я сам. Но видите ли, две недели назад

ГУК (Главное управление кинопромышленности) известило нас, что они, наконец, прочитали наш сценарий и предписывают нам изъять из картины все кусочки «Капитанской дочки» и накрошить вместо нее немножко «Полтавы». Кроме того ГУК требует переделать Арину Родионовну в Дантеса. Из-за этого-то мы и переходим на дополнительное опоздание в ¾ года.

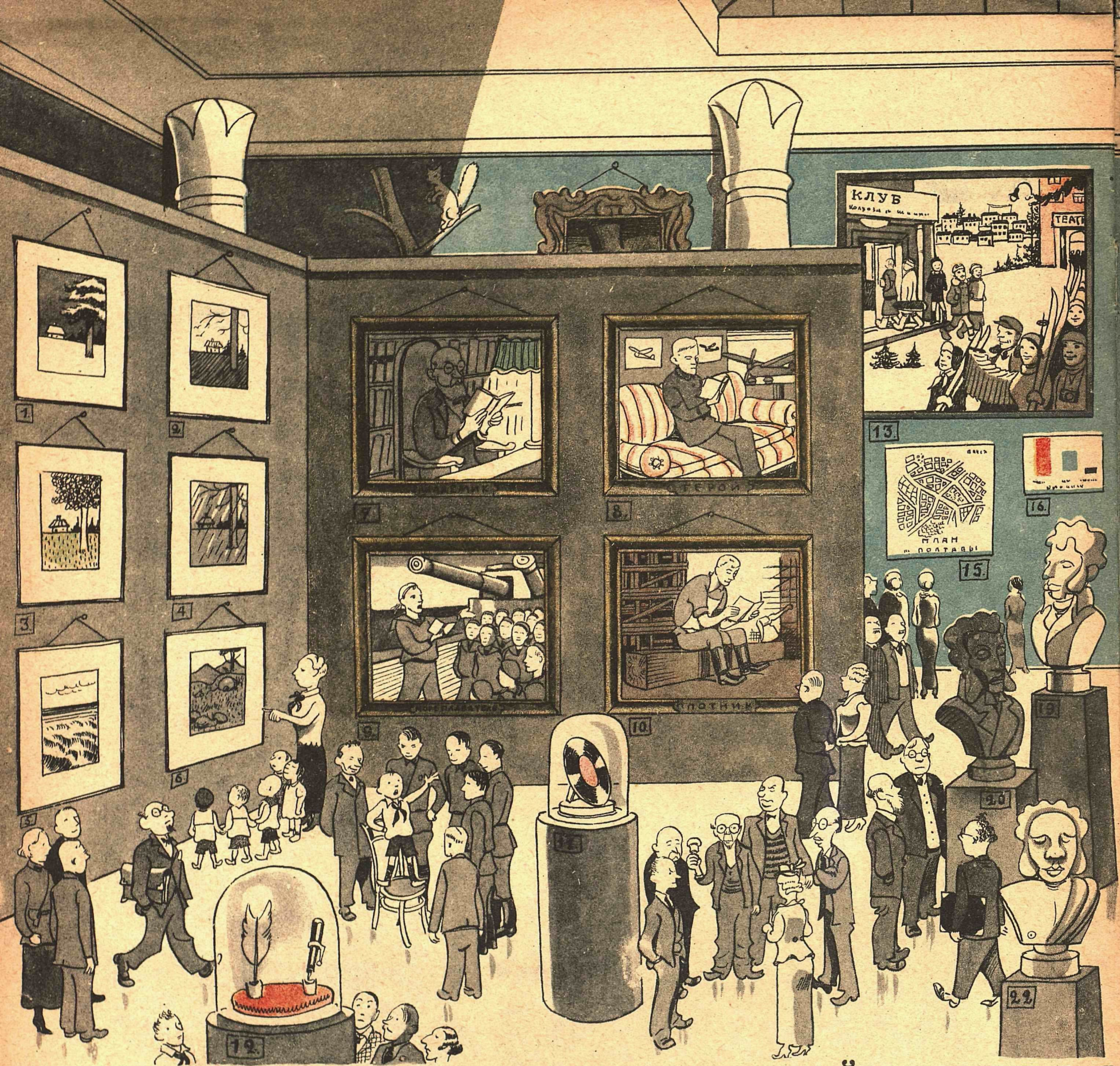
В ближайшие дни мы выезжаем всем коллективом в Сочи, где строится для нас адмиралтейская игла.

Мы очень надеемся, что уже к лермонтовским дням (в 1941 году) наш фильм выйдет непременно.

Примите мой пламенный кинопривет покойному поэту!..

- Почему вы так много переиздаете Пушкина?
- Неудобно, знаете ли, ведь за него столько людей хлопочет—весь народ.

КРАТКИЙ ПУТЕВО

Как читатель, вероятно, уже увидел, к пушкинским дням у нас в Крокодиле—все свое. Свое заседание. Своя художественная часть. И—свой музей. Экспонаты нашего музея очень многообразны и начинаются они крайне ценными экспонатами, тщательно подобранными одним литературоведом. Мы говорим о типичных для Пушкина пейзажах на левой стене (1—6): 1—типичный для Пушкина зимний пейзаж, 2—таковой же весенний пейзаж, 3—таковой же летний, 4—осенний, 5—морской и 6—сухопутный. Экспонаты 7—10 показывают: представители каких профессий читают у нас в стране Пушкина. Вы успели, очевидно, заметить, что список этих профессий был составлен 100 лет тому назад самим поэтом, правда, по другому поводу.

За номером 11 выставлена патефонная пластинка производства Апрелевской фабрики. На этой пластинке запечатлена сцена дуэли из оперы «Евгений Онегин», о чем можно судить как по тексту наклейки на пластинке, так и по звуку выстрела. Остальное, к сожалению, на пластинке разобрать невозможно.

12 номер—это два вечных пера: слева—вечное перо Пушкина, справа—вечное перо одного из современных нам поэтов. Которое вечнее—судите сами. 13—деревня, где скучал Евгений, какую она стала на сегодняшний день. 14—нашумевшая картина засл. деят. искусств П. П. Кончаловского: Пушкин без брюк. Стараниями пушкинистов установлено, какие именно брюки недописаны маслитым деятелем, и таковые значатся у нас в музее за № 18. № 15—план города Полтавы: ценная иллюстрация к одноименной поэме А. С. Пушкина. № 16—диаграмма: процент мужских, женских и дактилических рифм в произведениях Пушкина. № 17—бациллы чумы, увеличенные в 100 раз: ценная иллюстрация к «Пиру во время чумы». №№ 19—24—крайне интересная коллекция непохожих бюстов поэта, столь распространенных в наши дни. Непохожи они ни на Пушкина, ни друг на друга. Особенно рекомендуем разящее произведение «левой» скульптуры под номером 24. № 25—писатель А. С. Пушкин, автор «Евгения Онегина». № 26—писатель Ю. Н. Тынянов, автор «Пушкина». № 27—групповой портрет соавторов драматического спектакля «Евгения Онегина» в одном из наших театров. Тут—и автор спектакля

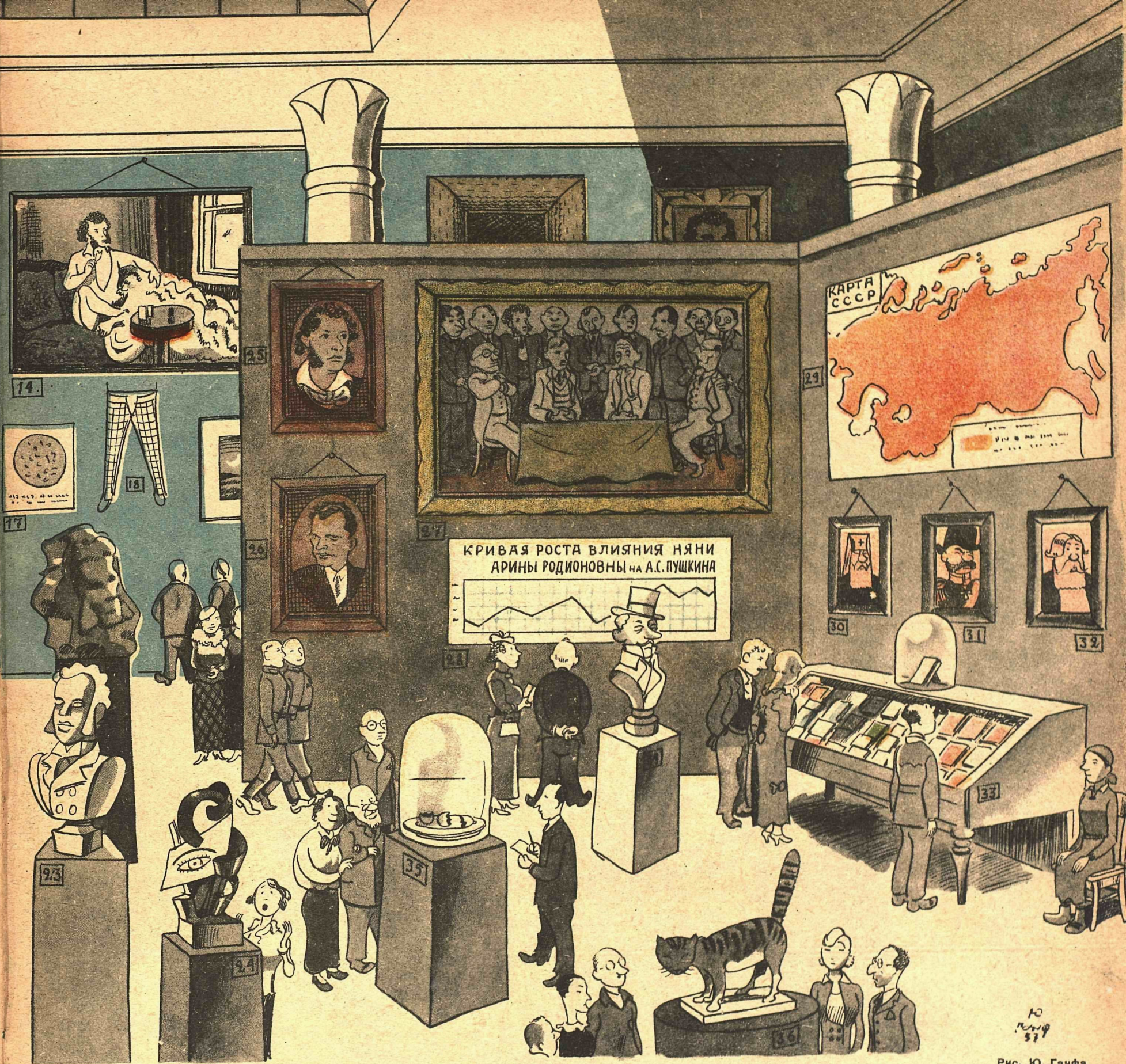

Рис. Ю. Ганфа

ДИТЕЛЕ ПО МУЗЕЮ

(режиссер), и автор световых эффектов, и автор музыки, и автор париков, и автор шумовых эффектов, и четыре автора текста, последовательно обрабатывавших пушкинский роман в драму, и авторы костюмов, и авторы декораций... Среди этой толпы, естественно, изображен и автор самого переделываемого романа—А. С. Пушкин (стоит третий слева). Диаграмма, выставленная под № 28, в комментариях не нуждается. № 29 — на этой карте красной краской отмечены те местности и районы СССР, где Пушкин читается особенно много. №№ 30, 31, 32 — портреты неких архимандрита Агафангела, секунд-майора Тютюева и второй гильдии вильмаstrandского купца Бухарева, на которых в 20-х годах прошлого века написаны были эпиграммы. Эпиграммы эти некоторое время приписывались Пушкину, но ныне установлено, что они не пушкинские. № 33—витрина любимых книг А. С. Пушкина. На витрине отдельно хранится под колпаком единственная горячо любимая книга нашего современника—поэта А. М. П. (это — его же стихи). № 34 — бюст коллежского асессора Я. А. Кислягина, на которого Пушкин написал эпиграмму, которая ныне утрачена. Впрочем, по мнению иных исследователей, эпиграмма не утрачена, а ее вовсе не

было. № 35 — выеденные яйца, обнаруженные при раскопках в имении, послужившем, как полагают, прототипом имения Лариных (родителей Татьяны): ценная иллюстрация к «Евгению Онегину». № 36—чучело кота, пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка коего, по преданию, жила в доме поэта В. А. Жуковского, так что есть основание предполагать, что Пушкин, бывая у Жуковского, мог погладить по спине эту кошку (т. е. не ту, чье чучело стоит в музее, а ее пра-пра-пра и т. д. бабушку).

Как видит читатель, перечисленное—только часть богатств нашего музея. Стенды задней половины зала включают множество материалов равной, если не большей ценности.

Особенно хочется отметить отличника Н-ской неполной средней школы юного пионера Гогу Ивинова (см. левую часть зала), который несмотря на свой нежный возраст, к удивлению окружающей публики, проникновенно читает наизусть замечательную сказку Александра Сергеевича о рыбаке и рыбке со всеми академическими комментариями и примечаниями.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕМОН ДУХ ИЗГНАНЬЯ

Рис. Н. Ротова

— Я знал, что сегодня у нас в школе бал пушкинских персонажей... Только я думал, что Демон—тоже пушкинский, а он—лер... лер... лермонтовски-и-и-и-и-и!

Редактор—МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 30 и в месяц

Редакция: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, П. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва, Изд. № 89

Служба текста и рисунков 11/1—37 г.

Подп. к печати 17/1—37 г.

Статформа 72×106 см.

Печ. л. 2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—10701

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 63 Тираж 275 000